U 445
702

В. Розановъ

И 445/702

ОСЛАБНУВШІЙ ФЕТИШЪ

(Психологическія основы русской революціи)

Цѣна 20 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе М. В. Пирожкова
1906

М. В. ПИРОЖКОВЪ

Спб., В. О., Большой пр., д. 6

(„Литературная Книжная Лавка“)

ИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

I. Историческій отдѣлъ

Батюшковъ, Ѳ. Д.

В. Г. Короленко, какъ человѣкъ и писатель, по его произведеніямъ. Съ портретами и иллюстраціями (№ 13) [печатается].

Богучарскій, В.

Изъ прошлаго русскаго общества. Съ 6 портретами. Спб. 1904 г. 2 р. (№ 4).

Бороздинъ, А. К.

Литературныя характеристики. Девятнадцатый вѣкъ (№ 1).

Томъ I. Съ 8 портретами. Спб. 1903 г. 1 р. 75 к.

Томъ II. Съ 18 портретами. **Вып. I.** Съ 13 портретами. Спб. 1905 г. 1 р. 75 к.—**Вып. II.** Съ 5 портретами [печатается].

Брюкнеръ, А.

Исторія польской литературы (№ 18) [печатается].

Буркгардтъ, Яковъ.

Культура Италіи въ эпоху Возрожденія. Перев. съ нѣм. *С. Бриліанта*, съ 8-го изданія, переработаннаго Людвигомъ Гейгеромъ. Въ 2 тт. Спб. 1906 г. Ц. за оба тома 5 р. (№ 7)

Вандаль, Альбертъ.

Возвышеніе Бонапарта. I. Происхожденіе брюмерскаго консульства. Конституція III года. Переводъ съ XI-го франц. изд. *З. Н. Журавской*. Спб. 1905 г. 2 р. (№ 16).

Каутскій, Карлъ.

Томасъ Моръ и его Утопія. Переводъ съ нѣм. *М. А.* и *А. Г. Генкель*. Спб. 1905 г. 1 р. 25 к. (№ 14).

Лемке, Мих.

Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія. Съ 19 портретами и 81 каррикатурою. Спб. 1904 г. 3 р. (№ 2).

Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—65 годовъ. Съ 4 портретами. Спб. 1904 г. 3 р. (№ 3).

Милюковъ, П.

Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго. 2-е изд. Спб. 1905 г. 3 р. 50 к. (№ 5).

Никитенко, А. В.

Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, „чему свидѣтель въ жизни былъ“. Записки и дневникъ (1804—1877 гг.). Съ портретомъ автора. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное *по рукописи* подъ редакціей, съ примѣчаніями и алфавитнымъ указателемъ *М. К. Лемке*. Въ двухъ томахъ. Спб. 1905 г. Ц. за оба тома 7 р. (№ 12).

Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка (№ 11).

Томъ I. **Декабристы: М. А. Фонъ-Визинъ, кн. Е. П. Оболенскій и бар. В. И. Штейнгель** (статьи и матеріалы). Составили: *В. И. Семевскій*, *В. Богучарскій* и *П. Е. Щеголевъ*. Съ 3 геліогравюрами. Спб. 1905 г. 5 р.

Выписывающіе изъ Склада за пересылку не платятъ.—Каталогъ высылается за 7-микоп. марку по первому требованію.

И 445/702

В. Розановъ

ОСЛАБѢВШІЙ ФЕТИШЪ

(Психологическія основы русской революціи)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе М. В. Пирожкова
1906

Государственная
ордена Ле[illegible]на
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
6434-47

Типо-литографія Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерин. кан. 71—6.

„Революція“ не получила-бы отдѣльнаго имени своего и въ исторіи не было-бы самаго явленія, обозначаемаго этимъ именемъ, если бы то, что мы именуемъ „историческимъ прогрессомъ“, „улучшеніемъ жизни обществъ“ и проч., было продуктомъ исключительно давленія разума на жизнь, подчиненія дѣйствительности „разумнымъ, справедливымъ и основательнымъ доводамъ“. Я хочу сказать, что въ то время, какъ мирная жизнь и улучшенія въ ней въ мирныя времена дѣйствительно сводится почти къ идейной борьбѣ программъ, къ критикѣ и критикѣ, до нѣкоторой степени—къ наукѣ и наукѣ, будетъ ли она именоваться „политическою экономіей“ или „политикою“,—эпоха революціи смѣшиваетъ всѣ эти элементы въ чрезвычайный хаосъ, гдѣ наука и экономика *есть*, но уже *не господствуютъ*, гдѣ есть и „программы“, какъ верстовые столбы, какъ адресы на письмѣ: но не онѣ образуютъ „паѳосъ“ революціи, который есть и составляетъ въ ней самое главное, безъ чего она никогда не возникла бы. Все это именно только „адресы“, а не самое письмо страстнаго тона, иногда мучительнаго, кроваваго смысла, только „верстовые столбы“ съ надписями, а не самая „путь-дороженька“ исторіи, которая богата, какъ природа, вьется въ лѣсахъ и взбѣгаетъ въ горы и, словомъ, ни мало не походитъ на пятиаршинный столбъ съ дощечкой. Въ грозѣ, конечно, есть только то, что раньше было въ облакѣ: паръ, воздухъ, вѣтеръ, два вида электричества. Но явленіе грозы глубоко новое, сравнительно съ облакомъ. Она потрясаетъ. Она очищаетъ воздухъ. Убиваетъ, оживляетъ. Съ нея рисуютъ картину, объ ней пишутъ стихи, ея боятся, на нее любуются. Она есть

космическое художество, въ ней есть „душа", „психея" какая-то, какой, конечно, мы не найдемъ въ человѣческомъ существѣ: но, вѣдь, для чего-же „душу" сливать съ „фигуркой маленькаго человѣчка съ крылышками"?! Она также можетъ быть представлена вотъ и въ формѣ этихъ рвущихся клоковъ тумана, какъ, впрочемъ, и въ тысячѣ другихъ фигуръ или символовъ, если вообще послѣдніе допустимы. И революція такое-же явленіе грозы, съ особой въ ней „психеею": она „сказала свое слово", и—умерла, когда дѣло переходитъ къ парламенту и борьбѣ его группъ, переходитъ отъ страны къ „партіямъ" и даже только вождямъ партій; когда логика, разумъ и наука облекаютъ въ порфиру и корону титана и дикаря, который расчистилъ для нихъ мѣсто.

Вотъ отчего, когда въ настоящее время раздаются крики: „это безуміе" или „это было смѣшно"—то это были бы очень мудрые крики въ другое время, а сказанные въ примѣненіи къ теперешнему движенію въ Россіи они совершенно безсильны, ничего не опредѣляютъ и ничего не выражаютъ; ни на кого не дѣйствуютъ. Возможно, что въ Россіи никакой „революціи" и нѣтъ (я этого, однако, не думаю): но если она есть, т.-е. есть всѣ ея залоги, всѣ накопленные элементы и, словомъ, она „идетъ" или „начинается", то именно кульминаціонные ея моменты будутъ совершенно лишены всякой мысли, всякаго почти логическаго содержанія, и именно они-то и будутъ самыми благотворными, священными ея частицами, которыя залягутъ, какъ нѣкая „непостижимая и святая евхаристія" въ огромное тѣло послѣдующаго государственнаго строя и свободнаго развитія. Чѣмъ болѣе мы ихъ примемъ, этихъ „частицъ", тѣмъ глубже переработается государственный и общественный строй, тѣмъ менѣе сохранится отъ скелета умирающаго режима: хотя, будьте увѣрены, отъ него сохранится еще страшно много, онъ, по окончаніи революціи, выплыветъ почти весь наверхъ, какъ тонувшій и недотонувшій утопленникъ. Но его оставимъ въ покоѣ, съ нимъ еще будетъ возиться второе и третье по-

колѣніе послѣ насъ. Мы говоримъ только о революціи. Ближайшіе возбудители ея, конечно, суть матеріальныя нужды: голодъ, рабство, угнетеніе, въ частности—ходъ и неудачи японской войны. Но все это только „спускъ курка“ и, самое большее—зажигающій пистонъ. Дѣло въ порохѣ и его составѣ. Революція живетъ не въ одномъ голодномъ и не въ одномъ обиженномъ. На обиженнаго ссылаются, на голоднаго указываютъ; самое большее—берутъ ихъ силы во вспоможеніе себѣ. И вотъ эти люди, которые „берутъ себѣ“ въ помощь или оправданіе голодъ, нужду и рабство—и суть истинные „духи“ революціи, ея „геніи“, большихъ и малыхъ размѣровъ—это все равно, ибо вѣдь и лѣсъ наполненъ не верстовой фигурой одного „лѣсовика“, а и маленькими эльфами, которые составляютъ фантастику и поэзію лѣса, и „сказкѣ“ не быть бы безъ нихъ. Настоящіе двигатели революціи—не одинъ голодъ черныхъ фабрикъ, нужда въ землѣ народа, „безобразія“, вскрывшіяся въ войнѣ. Все это есть, все это движетъ, все это фундаментъ. Но все это—не архитектура. „Архитекторы“ революціи—совершенно обезпеченные, во всякомъ случаѣ достаточно обезпеченные люди, но съ „священнымъ безуміемъ“ въ себѣ,—испортившіе, безнадежно испортившіе свою біографію, сломавшіе свой бытъ, семью, вышедшіе изъ своего сословія „фантасты“,—ну вотъ какъ кн. Крапоткинъ, переѣхавшій въ Парижъ, какъ идеалистъ-Кравчинскій, жившій въ Лондонѣ, какъ Дѣбогорій-Мокріевичъ,—написавшій свои удивительные мемуары. Я сказалъ—„изломавшіе свою біографію“: но вѣдь уже Мудрѣйшій на землѣ сказалъ: „нельзя воскреснуть, не умеревъ“, „ничто не можетъ принести плода, что̀ не похоронило себя въ землю“. Эти „выскочившіе изъ своей біографіи люди“ суть въ то же время „герои, вошедшіе въ исторію“,—о, въ ненаписанныя, темныя ея страницы, которыя можетъ быть и есть самыя священныя. Гдѣ нибудь схваченъ, разстрѣлянъ „карательной командой“. Только имя осталось, голый звукъ; черезъ день и оно пропадетъ. А сколько быть можетъ было здѣсь энтузіазма,—этотъ энтузіазмъ сколькихъ зажегъ! и, во-

обще, въ какое сочетаніе психологій вплелся. Въ теперешніе дни „усмиренія мятежа“ [1]) и закладываются всѣ зерна событій 1907 года, которыхъ можетъ быть и не наступило бы, была бы пустыня на ихъ мѣстѣ, выплылъ бы „утопленникъ“ и уже распоряжался дѣйствительностью: но „не быть бы счастью, да несчастье помогло“. 1907 годъ уже получилъ себѣ „должность, жалованье и мундиръ“ въ этихъ вотъ „карательныхъ командахъ“, которыя можно сказать расправляются съ провиденціальною жестокостью и являютъ какой-то „пиръ во время чумы“, дабы „пирующіе“ черезъ годъ-два увидѣли настоящую „чуму“ у себя въ гостяхъ. Какъ начало и ходъ японской войны былъ изумительно провиденціаленъ, минутами волшебенъ (смерть Витгефта. Рождественскій въ Цусимѣ), такъ этотъ мѣстами волшебный, фосфористый свѣтъ получаютъ и событія революціи. И она будетъ также исключительна, нова и чревата послѣдствіями, какъ эта „вводная“ война, собственно лишь „прологъ“ и толчекъ къ великой внутренней драмѣ Россіи.

Не говоря о революціонныхъ движеніяхъ 30-го и 48-го годовъ, которыя буквально были „происшествіями“ нѣсколькихъ улицъ, даже и великая французская революція была все-таки произведена Парижемъ и совершилась въ Парижѣ. Въ теперешнемъ движеніи Россіи въ революцію введены такія массы и пространства, а составъ ея элементовъ и движущихъ силъ до того сложенъ, какъ это и не мерцалось ни одной революціи. Отъ Женевы, стараго гнѣзда русскихъ революціонеровъ, до Хабаровска—она въ каждомъ, даже уѣздномъ, городкѣ и, наконецъ, прямо мѣстами по селамъ и деревнямъ: вездѣ у нея свои нити, узелки, гнѣзда; въ одномъ мѣстѣ она дозрѣваетъ, въ другомъ назрѣваетъ, потушена или разгорается: но, вообще въ томъ или другомъ видѣ—вездѣ *есть*. Поляки, татары, армяне,—со своимъ прошлымъ, со своими ожиданіями и воспоминаніями, со своей исключительнѣйшею исторіею, которая, казалось, никогда не каса-

---

[1]) Писано въ февралѣ-мартѣ этой зимы.

лась ничего всемірнаго, съ той или иной стороны, открыто или затаенно, связались съ русскою революціею и положили сюда же, въ одно мѣсто, въ сущности—въ руки русскихъ революціонеровъ, свою „ставку". Такимъ образомъ замотался впервые въ русской исторіи мотокъ такой огромности и сложности, такой толщины и разноцвѣтности, что, конечно, его нѣтъ никакой возможности отнести на лопатѣ куда нибудь въ сторону и выбросить въ нечистое мѣсто. Невозможно и залить его изъ пожарнаго рукава. Я говорю о надеждахъ администраціи и правительства, объ ожиданіяхъ части прессы. Если она тянется отъ Хабаровска до Вислы, и отъ одиннадцати-лѣтняго до семидесяти-лѣтняго возраста, то значитъ она охватила все, значитъ „загорѣлась" Россія, а не кое-что въ Россіи.

Она „не національна" будто-бы. Боже, она „національна", какъ лапоть, который всюду носятъ, или, точнѣе, какъ „обувь", которая всѣмъ нужна. Если „всѣ" ее дѣлаютъ, „всѣ" отъ нея ждутъ,—то какъ же она не „національна", и что̀ такое „нація", какъ не это „все" и „всѣ"?! Нельзя же „національною" въ Россіи считать только Грановитую Палату, съ боярскими шапками въ ней и стрѣлецкими пищалями, сохраняемыми подъ стекляннымъ колпакомъ; а Россію живую и сущую, нуждающуюся и воображающую, не считать болѣе „націею".

Говорятъ: „она „мечтательна", „наносна", дѣло „женевскихъ мудрецовъ". Она *натуральна* — вотъ что̀ важно. Въ ней есть очень много мечты, но вѣдь и всякій живой человѣкъ состоитъ изъ дѣйствительности и мечты, и всякая живая біографія состоитъ изъ нихъ же. Но есть мечта подражательная, не своя, а усвоенная по эстетическимъ или какимъ нибудь другимъ соображеніямъ, усвоенная слабоумнымъ отъ мудраго. То̀ будетъ мечта вялая, — такая, предаваясь которой мечтатель „обдѣлываетъ свои дѣлишки", или живетъ совершенно не „по мечтѣ", а иначе. Огромная доза мечты, вложенная въ русскую революцію, есть только показатель силы послѣдней; а что это мечта—*живая* то это сви-

дѣтельствуется на каждомъ шагу кровью и вообще такою страшною дѣйствительностью, которая превосходитъ своею фантастичностью всякую сказку.

* * *

Я нѣсколько отвлекся въ сторону отъ прямой темы, о которой хотѣлъ говорить. Мнѣ нужно было предварительно настоять, что революція не есть *борьба программъ*, а *движеніе стихій*, въ которомъ каменная нужда и эфирнѣйшее воображеніе, сплетаясь въ непостижимый узоръ, играютъ не меньше роли, чѣмъ опредѣленныя политическія партіи. Вотъ почему именно въ революціонное время нужно съ величайшей осторожностью судить о борющихся между собою группахъ, ибо каждая изъ нихъ, или, точнѣе, отдѣльныя лица, въ нее вошедшія, движутся вовсе не только одною программою, которую они выставляютъ и защищаютъ, которою они руководствуются, но и множествомъ еще другихъ несознаваемыхъ, темныхъ мотивовъ, страстей, чувствъ, воображенія и проч. Революція не имѣла бы полноты въ себѣ и даже ея вовсе не было бы, если бы въ ней отсутствовали, какъ могучіе двигатели, эти ирраціональные элементы. Вѣдь и въ грозу электричество входитъ невидимою частью: между тѣмъ оно-то все и дѣлаетъ въ видимыхъ частяхъ, приводитъ ихъ въ движеніе, разрушаетъ, сотворяетъ.

Съ этой болѣе психологической, чѣмъ политической стороны, мнѣ хочется провести защиту одной группы въ нашей революціи, которая не имѣетъ никакихъ шансовъ на политическій успѣхъ и о которой говорятъ съ улыбкою болѣе „солидныя“ партіи, изготовившіяся играть роль и, вѣроятно, имѣющія дѣйствительно ее играть. Партія, о которой я буду говорить, не играетъ сейчасъ никакой роли, или—ничтожную, и къ ней едва-ли принадлежитъ много людей за тридцать лѣтъ, большинство же ея состоитъ, говоря языкомъ духовныхъ лицъ, изъ „отроковъ и отроковицъ“, не достигшихъ и двадцати лѣтъ, или чуть-чуть перешедшихъ за этотъ возрастъ. Мнѣ даже неловко, въ моемъ солидномъ возрастѣ и

при солидномъ положеніи, называть эту партію, и я прошу всего снисхожденія у читателя, ибо приготовлюсь говорить совершенно серьезно.

Я говорю о русскихъ республиканцахъ и этой программѣ дѣйствій, пожеланій, мечтаній и пр. и пр., сущность которыхъ (людей) и которой (программы) заключается въ томъ, что они всякій разговоръ начинаютъ съ требованія республики, прерываютъ разговоръ, если собесѣдникъ на нее не согласенъ, и (главное) всѣ свои слова, аргументы, паѳосъ и умъ, какъ и опредѣленныя требованія располагаютъ въ такомъ порядкѣ и въ такомъ духѣ, какъ если бы республика была уже *на лицо* или мы всѣ *съ завтрашняго дня* начали жить въ республикѣ. Въ этомъ и главное: что они уже теперь дѣйствуютъ и говорятъ, стремятся и ненавидятъ, восторгаются или обвиняютъ, живя *мысленно и сердцемъ въ какой-то невидимой республикѣ*, которой физическихъ очертаній нѣтъ, а между тѣмъ эта „невидимая духовная республика" рѣшительно заставляетъ себя чувствовать на каждомъ шагу,—чувствовать удары свои, защищаться отъ нападеній ея. Истинные палатины невидимаго Града, какихъ было много въ средніе вѣка. Помните у Пушкина стихъ о „бѣдномъ рыцарѣ"; только эти рыцари нашихъ дней — не блѣдные, безъ синевы подъ глазами, напротивъ — краснощекіе, большіе рослые, но тоже съ этой неуклюжестью движеній и манеръ, какая спеціальна въ возрастѣ между 17 и 21 годами. Ну и, конечно—мечтательность, не уступающая средневѣковой, только не о „Прекрасной Дамѣ", „Sancta Virgo", а вотъ объ этомъ грядущемъ братствѣ юныхъ работниковъ и работницъ, учениковъ и ученицъ, слушающихъ тоже юныхъ, по крайней мѣрѣ душою, наставниковъ и наставницъ. Мнѣ думается, самая „республика" у нихъ мечтается не въ тяжеловѣсныхъ формахъ реальнаго республиканскаго строя, напр. Франціи или Соединенныхъ Штатовъ, съ этими разными департаментами и штатами, судомъ и судебными слѣдователями, налогами и прочею „гадостью", а въ видѣ какого-то зеленаго и нестарѣющаго пансіона, или русскаго „интеллигентнаго по-

Госуд. ро[illegible]ная
[illegible]
Б[illegible]

селка", раскинувшагося отъ Амура до Вислы, гдѣ податей не берутъ, въ тюрьмы никого не сажаютъ, начальства нѣтъ или оно есть въ такой легкой формѣ, что даже пріятно, и гдѣ съ чрезвычайной охотой люди работаютъ и работаютъ, учатся и учатся—только учатся и только работаютъ. Что то въ родѣ кухни, гдѣ стряпаютъ „молодые господа", усадивъ рядомъ съ собою кухарку, и что то въ родѣ пансіона во время рекреаціи, когда наставники оставили свою оффиціальность и попросту говорятъ о тої же наукѣ, какъ и на урокахъ, но уже безъ строгости и взыскательности, безъ сухости и отвѣтственности, и возбуждаютъ теперь не злобу и отчужденіе, а восторгъ и благоговѣніе учениковъ и къ наукѣ и къ себѣ. Да не услышитъ кто нибудь въ словахъ моихъ ироническаго тона или желаніе умалить явленіе и осмѣять „группу": а что̀ такое представляютъ себѣ бородатые мужики, да и сѣдовласые члены Государственнаго Совѣта, равно митрополитъ Филаретъ или „Московскія Вѣдомости" и „Гражданинъ", когда они говорятъ и говорили о „священной особѣ монарха", о великой идеѣ „монархизма въ исторіи"? Тотъ же самый туманъ и даль и голубое небо, шелестящія мантіи Константина Великаго и Карла Великаго,—Фридрихъ Барбарусса, сидящій (по легендамъ) гдѣ-то въ каменномъ замкѣ, опершись въ задумчивости на столъ, а борода его обвилась вокругъ стола,—и милость, и величіе, и помазаніе свыше, и бѣлый голубокъ, откуда то вылетающій при каждомъ коронованіи и „рѣющій крылышками въ воздухѣ". Извѣстны „народныя" картины, выпущенныя послѣ кончины Александра III, гдѣ Государь этотъ, въ порфирѣ и коронѣ, былъ уносимъ въ небо „буквальными" ангелами, съ крыльями и бѣлыми: они въ сіяніи и онъ въ сіяніи. Легенды и миѳы. И отчего же студентамъ, студенткамъ, гимназистамъ и гимназисткамъ тоже не слагать миѳовъ о своей „республикѣ", когда даже о сущей и наглядной, очевидной и реальной монархіи никто однако не формулируетъ, что монархъ „ѣздитъ на парады", а формулируютъ: „печется о подданныхъ", не говорятъ: „имѣли любовницъ и любовницъ", не сказываютъ,

что это—хорошіе казематы, и десятка 2—3 или сотни 2—3, смотря по году, удавленныхъ и застрѣленныхъ. Кстати, о терминологіи: зачѣмъ это суду говорить: „приговаривается (такой-то) къ повѣшенію“ или „разстрѣлянію“. „Вѣшается“ сюртукъ на вѣшалку, а во время ученія солдатъ они „разстрѣливаютъ“ патроны: вещи невинныя! И потому то эта невинная терминологія и не заставляетъ краснѣть ту бумагу, на которой она пишется на судѣ. Но злые мальчишки и живодеры въ живодерняхъ говорятъ: „мы *застрѣлили* собаку“, „мы *удавили* кошку“, и вообще тутъ суть не въ повѣшеніи, что примѣнимо лишь къ неодушевленному предмету, а въ *удавливаніи*, *удушеніи*, каковой терминъ единственно имѣетъ право быть выговореннымъ судьями на судѣ и записанъ въ оффиціальную бумагу. „Судъ постановилъ *удавить* такого-то“, „постановилъ *застрѣлить* десять матросовъ, виновныхъ“ въ томъ-то и томъ то: тогда опредѣленіе „суда какъ живодерни“, такъ, сказать, обонялось бы носомъ, слушалось бы физіологически ухомъ. А то оно теперь благоухаетъ какими-то краденными духами: „милость“ и „справедливость“ и „Богъ надъ всѣми“. И такъ, Грингмутъ и Иловайскій, произнося слово „монархія“, не рисуютъ себѣ, и чистосердечно не рисуютъ„—удавленники“, „застрѣленные“, „раскраденная казна“, „награжденные за службу воры“: и республиканцы тоже не рисуютъ себѣ департаментовъ, прокуроровъ, налоговъ и „обязанностей службы“, хотя все это, по прискорбію, должно быть и въ республикѣ будетъ. Голубое—тамъ, голубое—и здѣсь, и притомъ позволительное голубое, нисколько не юношеское, а текущее изъ вѣковѣчныхъ чертъ человѣческой души. Республиканцы представляютъ себѣ и имѣютъ зрѣлое право представить достигнутое братство, полное равенство, наконецъ-то осуществленную справедливость, гдѣ работаютъ всѣ, кромѣ стариковъ, младенцевъ, малыхъ и больныхъ, и работаютъ сильно, грубо,—а въ заключеніе веселятся, и веселятся тоже дружно, громко, заразительно, съ такимъ расцвѣтомъ въ душѣ, точно и на деревьяхъ хоть средь зимы вдругъ распустились цвѣточки и появились яблоки. Если право на

„шелестъ мантіи Карла Великаго“—тамъ, то и здѣсь—право на „яблоки среди зимы“, ужъ извините. Природа вѣчна. Ни капли уступки. И республиканцы имѣютъ право доказывать, кричать и агитировать, а пуще всего сами вѣрить, что „при республиканскомъ строѣ яблони будутъ расцвѣтать разъ въ маѣ, во второй разъ въ сентябрѣ и третій разъ въ декабрѣ“, и что „дѣти ихъ будутъ прямо выбѣгать на улицы и рвать плоды съ вѣтокъ въ январѣ, а кругомъ—цвѣточки“. Ни одной капли меньше, если передъ Петропавловской крѣпостью, что „вотъ видно изъ окна“, говорилось, говорится, печаталось и доказывалось, что „сердце царево въ рукѣ Божіей“ и что вотъ мы „имѣемъ Давида“, который почти самъ слагаетъ псалмы. Позволительно—Филарету, позволительно—и гимназистамъ.

Я уже заговорилъ о великихъ стихіяхъ воображенія и чувства, которыя введены въ революцію. Но и еще: революціонное состояніе есть вообще такое, когда люди болѣе становятся „похожи на себя“, чѣмъ въ обыкновенное время, возвращаются къ себѣ, въ психологическое „домой“, теряя условность, сдержанность и искусственность, теряя ту небольшую долю лжи, съ которою люди живутъ во всякое *не*революціонное время. И вотъ тутъ я и хочу указать на особенное оправданіе, какое есть у нашихъ „республиканцевъ“, такъ безнадежныхъ въ смыслѣ „программы“ и будущей „политической роли“.

* * *

Ослабѣлъ великій фетишъ!!—Ослабѣлъ не по *моему* усилію, положимъ, вотъ такого-то республиканца Кузнецова, но гораздо *раньше* Кузнецова и *вокругъ* Кузнецова, и Кузнецовъ это только воспринялъ и подчинился *міровому давленію*, какъ гимназистъ шестого класса подчиняется „міровому давленію алгебры“, начиная рѣшать квадратныя уравненія съ двумя неизвѣстными. Мнѣ кажется, это давно нужно понять суду, судьямъ, понять это слѣдуетъ даже серьезнымъ и спокойнымъ монархистамъ, чиновникамъ, министрамъ „и даже далѣе“, что „колебаніе уровня монархіи и монархизма“ есть

вовсе *не личное явленіе*, не фактъ *біографіи*, положимъ *моей*, а такое же послѣдствіе міровыхъ историческихъ причинъ, какъ вотъ, напр., въ географіи поднятіе дна Балтійскаго моря, или высыханіе среднеазіатскихъ озеръ, что̀ зависитъ вовсе не отъ воли финскихъ и туркменскихъ рыбаковъ, живущихъ по берегамъ этихъ морей и озеръ, а отъ мало извѣстныхъ и частью вовсе неизвѣстныхъ геологическихъ и планетныхъ причинъ. *Ослабъ великій фетинъ!* Сущность „распространяющихся республиканскихъ идей“ или „всѣхъ этихъ бродячихъ фантазій“ заключается въ томъ коренномъ и все болѣе распространяющемся явленіи, что, положимъ, гимназистъ, студентъ, учитель, учительница, профессоръ, ученый, писатель, „а подъ конецъ дней и крестьянинъ“, при словахъ: „государь“, „монархъ“, „царская особа“—просто ничего особеннаго не чувствуютъ. Есть икона, въ ризѣ, въ сіяніи; передъ нею горитъ лампада; или есть „темный ликъ“ въ углу, совсѣмъ безъ кіота, и тоже съ горящею передъ нимъ лампадою, „дареніе бабушки“, на которую „молилась матушка“: и вотъ я, взглядывая на нее, тоже что то чувствую, волнуюсь, а во всякомъ случаѣ ничего-ничего худого, и даже ничего обыкновеннаго, свѣтскаго мнѣ не приходитъ на умъ, когда я на эту икону смотрю! Я—русскій, и уже это у насъ, русскихъ, 1000 лѣтъ. Но лютеранинъ, „хоть убей его“, ничего этого не чувствуетъ: и для него моя „икона“ представляетъ такую сумму дерева, красокъ и металла, что мнѣ, привычному православному, больно и повторить его опредѣленіе „моей иконы“... Грустное расхожденіе, но невсльное. Я остаюсь и останусь при своемъ, но настолько образованъ, что не могу же не понять, и тоже всѣми силами моей души, что лютеранину войти въ мою психологію и согласиться съ моимъ опредѣленіемъ „иконы“ никакъ невозможно, и я отъ него не стану этого требовать, даже не желаю, чтобы онъ повторялъ мои слова, ибо это будетъ ложь, а мнѣ Богъ указалъ во всякомъ человѣкѣ хотѣть только его правды. Дѣло въ томъ, что въ происхожденіи „монархическихъ идей“, даже у насъ, русскихъ—Фридрихъ Барбарусса „съ бородою, обвив-

шейся вокругъ стола", дѣйствительно играетъ огромную роль; а у народа—„Петръ Великій и какъ его чудесно спасъ Господь, когда три разбойника уже взобрались въ избу, гдѣ онъ спалъ въ ту ночь" (книжка, мною читанная въ дѣтствѣ). Я хочу сказать, что „сущность монархизма" лежитъ *не въ программномъ оправданіи* его, не въ „доказательной" его сущности, а вотъ въ такихъ же ирраціональныхъ стихіяхъ, какъ и выдвинувшіяся сейчасъ въ революціи, но стихіяхъ только—*обратныхъ*, *иначе* окрашенныхъ, но также *сплошь сотканныхъ изъ воображенія и чувства*, и вообще изъ того историческаго „электричества", которое, будучи невидимо, движетъ всѣмъ видимымъ. Это именно шелестъ величественныхъ мантій, такъ туманящихъ взоръ, такъ ласкающихъ свѣтовую ретину нашего глаза, что не нужно и не хочется даже разглядѣть, кто одѣтъ въ нихъ. Позолота и краски, пурпуръ и голубое, и „слава въ Вышнихъ Богу, на землѣ миръ и благоволеніе". Икона, великая икона,—вотъ что, въ сущности, и монархъ! „Основныя статьи" нашего Свода законовъ есть пустяки, сравнительно съ этимъ: тамъ просто грамотѣй нашелъ нужныя слова, чтобы выразить это великое, въ вѣкахъ накопившееся,—чувство вѣковъ и милліоновъ народа къ иконѣ-царю. Оттого не потерпѣли русскіе и Шуйскаго, „не царской крови", разстались равнодушно съ мудрымъ и благодѣтельнымъ Годуновымъ, тоже „не царскаго рода", вынеся почти съ любовью на плечахъ своихъ и Грознаго, и Петра, и Павла I (на котораго отъ русскихъ ни отъ кого я не слышалъ негодованія), просто отъ того, что эти—„царскаго рода", „царской крови" и, словомъ, въ какой-то таинственной связи съ Барбаруссою, и съ Константиномъ Великимъ, и съ пророкомъ Давидомъ, который былъ „тоже царь и объ этомъ напечатано въ *Святцахъ*". Туманъ и миѳы, и дальнія зори исторіи, первыя зори человѣчества. Недаромъ уже Цезарь и Августъ производили себя отъ Энея, „родоначальника основателей Рима", а всѣ средневѣковые цари потомъ производили себя то отъ Энея же, а чаще отъ Александра Македонскаго, котораго въ то время считали чѣмъ то среднимъ между ма-

гомъ, богомъ и великаномъ *). На этомъ основана замѣчательная тенденція, *лично* чрезвычайно тягостная, наконецъ вредная въ *кровномъ* именно отношеніи: избѣганіе и даже полное недопущеніе браковъ принцевъ съ лицами *не* царскихъ домовъ, т. е. исключеніе любви и счастья изъ семьи, готовность отъ размноженія все въ одномъ и томъ же ограниченномъ кругѣ семей—къ обѣдненію крови, ея вялости и вообще перерожденію со всѣми ужасными послѣдствіями этого. Но „нельзя инкрустировать дощечку изъ свѣжей березы въ икону Ярославовой давности": духъ ея, ароматъ ея, весь ея молитвенный смыслъ и великое притяженіе для народовъ пропадетъ. „Умретъ великій фетишъ!.. "Что за „иконопочитаніе", когда взято изъ новой березки - изъ лѣсочка, откуда „всѣ мы". Читатель изъ этой тенденціи къ *несмѣшиванію* кровей видитъ, до чего монархизмъ -- не программа и не „оправданіе изъ дѣйствій", но именно и только—фетишъ, во всей его миѳологической обстановкѣ! Отсюда же вѣрованіе, настояніе, „святое упованіе" о царствѣ „Божіею милостью" и что „Духъ Св. помазалъ меня": съ положительнымъ отвращеніемъ къ царенію „волею народа", къ царю „избраннику народному" (Наполеонъ III, Наполеонъ I): такой для монархиста болѣе отвратителенъ, чѣмъ республиканецъ или коммунаръ. „Обезьяна, ты тоже похожа на человѣка—*отвратительнѣйшее* изъ животныхъ"! Здѣсь (въ монархѣ и монархистахъ)—не эгоизмъ, не стремленіе къ искусственному и „не своему" величію: напротивъ—именно къ *своему*, особому, пусть и мечтаемому, но строго выдержанному въ смыслѣ и стилѣ. Икона какъ бы говоритъ, въ мѣру своего ощущенія иконности: „не вливайте въ лампадку передо мною масла торговаго, купеческаго, а пусть оно будетъ заготовлено руками іерусалимскихъ монашекъ, которыя сорвали маслины съ Сіонской горы. И пусть будетъ все чисто, свято, безкорыстно: вѣдь народъ *молится!* какой же тутъ *торгъ*?!"

*) Уже послѣ Р. Х. чеканились монеты съ портретомъ Александра Македонскаго: такія монеты вѣшались на шею, въ качествѣ *талисмана*, какъ у насъ сейчасъ—крестъ.

Вотъ отчего *выборная* монархія и вообще въ какомъ бы о ни было отношеніи *„утилитарная“*, „доказательная“ и, словомъ, „мотивированная“—есть уже нисколько не монархія, а гнусный разбитый и искривленный ея образъ, и такой всегда „не долго жить“. *Выборные* „reges“ Рима, какъ таковые же „базилевсы“ греческихъ городковъ исчезли на самой зарѣ исторіи; какъ не удержались нигдѣ цари „избраніемъ народа“ („тираны“ греческихъ историковъ). А „сыны Неба“ въ Китаѣ и Японіи, какъ и „цари царей“ Персіи—не умираютъ, не умерли. Древнія иконы, онѣ всѣ источены червями и почти ничего отъ нихъ не осталось,—такъ чуть-чуть позолоты и остатокъ черныхъ красокъ, дерево же все изрушилось; но ихъ *не поправляли*, ничего не привзошло изъ сосенки, изъ бора, никто ихъ не передвигаетъ изъ „святого передняго угла“, и они стоятъ себѣ, стоятъ... Извѣстно, что Богдыхана никто никогда не видитъ; что когда проѣзжаетъ улицею Микадо, всякій дерзнувшій посмотрѣть на него изъ окна—умираетъ (казнится). Вотъ это -фетишъ, доросшій до полноты своей, обдуманный въ мѣрахъ сбереженія. „Діоклетіанъ никогда не показывался народу; только рѣдкій-рѣдкій римлянинъ допускался къ нему,—и тогда онъ съ трепетомъ входилъ въ длинный полуосвѣщенный покой, гдѣ вдали сидѣлъ на тронѣ императоръ со священною бѣлою повязкою на головѣ; пришедшій падалъ ницъ“... Но слишкомъ поздно Діоклетіанъ уже взялся за это. Ромулъ все воевалъ, Тарквиній Гордый воевалъ же, предшественники и преемники Діоклетіана воевали же: всѣ видѣли, что это *воинъ*, не болѣе трехъ аршинъ ростомъ, что онъ *устаетъ*, *пьетъ*, *жаждетъ*, что это вообще не „миѳъ“ и не „Александръ Македонскій“, отъ взгляда на котораго проходитъ безвредно укусъ змѣи. И противъ него и такихъ возставали и ихъ низвергали... *Монархіи* въ Римѣ въ сущности никогда не образовалось, монархія можетъ быть только *наслѣдственною* („своя кровь“, далекая параллель „непорочному зачатію“ Маріи-Дѣвы у католиковъ) и ея вовсе нѣтъ, когда она выборна...

Такимъ образомъ, самое существо монархіи и монархизма

питается *соотвѣтственною почвою* фетишистическихъ чувствъ и представленій, еще живущихъ въ народѣ и отраженно передающихся особѣ царя.

„Икона сама вѣритъ въ себя", когда на нее „всѣмолятся"... но это именно эпоха, культура, вовсе не вѣчная, хоть, можетъ быть, очень поэтичная и даже (въ соотвѣтствіи *со своею культурою и для этой культуры*) цѣлебная, освѣщающая, объединяющая, питающая. „Икона живетъ народомъ" („иконопочитаніемъ") и нельзя отрицать, что „народъ тоже живетъ иконою", исцѣляется, воистину исцѣляется, здоровѣетъ, становится нравственнѣе „отъ молитвы"! Но все это... проходитъ. Проходитъ—какъ высыхаютъ озера въ средней Азіи. Отъ *кого* проходитъ? *Не* отъ Ивана, *не* отъ Петра, а отъ *міровыхъ причинъ*. Императоръ Николай I (приходилось мнѣ читать), проѣзжая по Моховой улицѣ мимо Московскаго университета, дѣлался угрюмъ и, указывая на зданіе, говорилъ: „вотъ волчья нора". Великій и вѣрный инстинктъ. Что дѣлать, не будемъ лгать и скажемъ ту простую и очевидную истину, что съ поднятіемъ уровня науки обезцвѣчиваются вообще всѣ фетишистическія чувства, пересыхаетъ почва питавшая монархизмъ, и онъ раціонализируется, ищетъ мотивовъ себѣ, „доказывается" и вообще сходитъ къ тому смертельно враждебному себѣ мотиву, что онъ „угоденъ и народу", „желателенъ народу" и, словомъ, „suffrage suniversel", выбравшій и Наполеона III: только не впереди ожидаемый, а отнесенный назадъ и воображаемый, но все таки „suffrage universel", „волею народа", а это—конецъ всего и существо скверной обезьяны. Славянофилы, твердившіе, что Михаилъ Ѳеодоровичъ „избранъ народомъ", дѣйствовали какъ и французы-бонапартисты, кричавшіе въ 51-мъ году: „а что скажетъ *народъ?* пусть *народъ* скажетъ". Оба забыли, что въ этомъ „гласѣ народа" уже ничего вѣковѣчнаго нѣтъ, ибо если мужики въ 1613 г. сказали что-то, то что̀ это значитъ для меня, живущаго въ 1906 г.? Я самъ „мужикъ" и говорю совсѣмъ другое.

Оставимъ споры съ очевиднымъ вздоромъ. Проходятъ

миѳологическія эпохи, явилась точная математика. Реклю и Риттеръ написали географію уже безъ гигантовъ „за горизонтомъ“, Моммзенъ, Курціусъ и Гретцъ разсказали, что „самъ“ Александръ Македонскій былъ тоже трехъ аршинъ ростомъ, болѣлъ болѣзнями и любилъ красивыхъ персіянокъ, какъ и Давидъ тоже не только пѣлъ псалмы и имѣлъ совсѣмъ другую фигуру, чѣмъ какъ нарисовано на заглавномъ листкѣ псалтыря (въ зубчатой коронѣ и съ арфою). Все свелось къ *трезвой дѣйствительности* и умерла мечта, можетъ быть поэтическая, но не воскресимая, не оживимая... Кромѣ возникновенія точной науки, исчезновенія миѳовъ и „очарованія“, безъ котораго нѣтъ „иконопоклоненія“, указываемому ослабленію помогло еще то, что вообще возникло чрезвычайно много *занимательныхъ областей интереса, вниманія и восхищенія* помимо единственно представлявшихъ въ этомъ отношеніи „сюжетъ“ дворцовъ и монарховъ. Нужно взять во вниманіе старинный разрозненный и уединенный образъ жизни, когда „миѳъ“ былъ дорогимъ гостемъ, разсказывавшимъ новости, миѳъ и легенда, слухи, разговоры, которые всѣ ползли къ самой яркой точкѣ въ странѣ—дворцу, и къ самой высокой горѣ въ ней—царю. Не было „исторіи народовъ“, а была „исторія царствованій“, отъ Тацита и Свѣтонія до Карамзина и Соловьева. Быть „русскимъ“ и „любить свое отечество“ значило любить то-то и то-то, но особенно это значило въ „красномъ углу“ своей души носить образъ царя, линію царей, отъ Алексѣя Михайловича до „теперь“, и все это—благословлять, чтить, воображать объ этомъ, размышлять объ этомъ и, словомъ, такъ или иначе, поэтически и философски—*жить* этимъ. „Святые угодники“ и „цари“, „церковь“ и „дворецъ“, въ неясномъ сліяніи, въ неясномъ раздѣленіи составляли праздничное, лучшее, священное русской души. Но съ тѣхъ поръ появились романы, опера, желѣзныя дороги, биржа, занимательнѣйшія открытія науки, раскопки въ Вавилонѣ и Ѳивахъ, и, словомъ, такія достопримѣчательности и занимательности, передъ которыми разсказъ о томъ, „какъ чудеснымъ образомъ Петръ Великій

спасся отъ трехъ разбойниковъ"—ужасно померкъ въ интересѣ, какъ и новѣйшіе розсказни „о томъ, о семъ въ коридорахъ зимняго дворца". Пикантное здѣсь—потеряло вкусъ; поэтическаго—можетъ быть и никогда не было, были „розсказни"; и, словомъ, дворецъ и всякіе дворцы стали уходить и уходить фундаментомъ и стѣнами въ землю, какъ только изъ земли начали выходить лабораторіи, академіи, клубы, биржи, театры, базаръ, вся суета, вся цивилизація новая цивилизація. Также, какъ папство, тоже „священное" и много сдѣлавшее для цивилизаціи, монархизмъ есть существеннымъ образомъ сотвореніе эпохъ темныхъ — не въ порицательномъ смыслѣ, а вотъ въ этомъ смыслѣ наивности, довѣрчивости, однотонности души человѣческой, однотонности дѣятельности человѣческой. Были сумерки — были монархіи: разсвѣло—и они стали таять, сводиться къ обыкновеннымъ размѣрамъ, „удобному и неудобному", „выгодному и невыгодному" *намъ, народу* — въ которомъ и полагается *центръ тяжести*: а это уже республика, „народовластіе", пусть и „духовная республика", около которой монархія является только обезьяной, съ потерею „священнаго" своего, аромата своего (Наполеонъ III, воображаемое „suffrage universelle" славянофиловъ).

* * *

Я замѣтилъ, что одною изъ могущественныхъ стихій революціи является *возвратъ къ естественности*, почти физическій, почти какъ физическое движеніе. „Хочется потянуться". „Хочется вытянуться". Сапоги жмутъ, сюртукъ тѣснитъ. Одною изъ поэтичнѣйшихъ сторонъ революціи, напр. первой французской, является то, что люди стали жить *на улицѣ почти какъ дома*, проще говорить, откровеннѣе бесѣдовать, кричать, махать руками и проч., и проч., и проч. Это безусловно такъ: искусственность ослабляется, откровенность наростаетъ, всѣ становятся болѣе „сами собою", чѣмъ были еще вчера, наканунѣ революціи. Въ революціи есть многое подобное священному еврейскому „юбилейному

году", когда жатва не жалась, фрукты не снимались съ деревъ, все оставлялось „бѣднымъ и всѣмъ" (я только не понимаю, какъ въ этотъ годъ жили остальные евреи?) и словомъ, „все прощалось" и „всѣ извинялись", судьи и казнь очевидно не дѣйствовали, и цивилизація, какъ нѣкоторая крѣпость узды на человѣкѣ—ослаблялась. Что̀ это было въ мудромъ законодательствѣ Моисея, предчувствіе-ли „золотого вѣка", или вѣчное поманеніе и предтеча „Мешеаха" (Мессіи)? Не понимаю! Но революціи въ Европѣ вотъ играютъ приблизительно такую-же роль періодически жаждущагося и неистребимо нужнаго всеобщаго ослабленія „узъ и условности", „тягостей" цивилизаціи, гдѣ мы всѣ немножко лжемъ и дѣлаемъ не совсѣмъ то, что̀ намъ хочется: дѣлаемъ, и томимся, и всѣмъ намъ скучно, и всѣ мы ждемъ великаго часа революціи, когда говоримъ: „теперь все по новому, отсюда—все новое".

Наиболѣе юная часть революціонеровъ, самая незрѣлая, „безпрограммная" (въ смыслѣ успѣха), но вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе глубокая психологически (ибо самая правдивая) и сказала громко то, что̀ въ сущности мы всѣ, образованное общество, чувствуемъ, и что̀ и составляетъ настоящую причину революціи. Послѣдней бы не было, какъ бы велики ни были бѣдствія японской войны и всевозможныя казнокрадства, съ нею раскрывшіяся: *это* ли еще переживали народы?! Гдѣ-то какая-то далекая война; въ Россіи, здѣсь, мы и не видали ни одного японца; и очевидно никакого нашествія намъ не грозило. Но уже давно, уже десятилѣтія ослабъ великій фетишъ. Почти весь XIX ый вѣкъ прошелъ въ борьбѣ съ этимъ фетишемъ. Наступило то̀ въ политикѣ, что́ въ отношеніи папства и католичества наступило съ реформаціею, и отъ столь-же общихъ, сложныхъ, и не только теперь для политиковъ, но и въ будущемъ для историковъ неизслѣдимыхъ или мало изслѣдимыхъ причинъ. Реформацію, конечно, велъ *не* Лютеръ, а онъ шелъ *за* реформаціею, былъ только самою яркою фигурою въ громадномъ движеніи,

уносившемъ его; и только отъ того, что она *случайно* получила имя отъ него („Лютеръ", „лютеранство")—имя это такъ осталось, а фигура немилосердно преувеличена историками. Лютеръ *безъ взволнованнаго народа за спиною его*, взволнованнаго еще *задолго до него*, былъ бы просто ничтожнымъ монахомъ, сожженнымъ „безъ разговоровъ". Возвращаюсь къ нашему положенію. „Ослабъ великій фетишъ"! Кончилось политическое „иконопочитаніе",—кончилось не у насъ однихъ, кончилось во всей Европѣ, но у насъ въ данную минуту получившее спеціальные мотивы громче, чѣмъ гдѣ бы то ни было, высказаться. И высказалось. Вотъ—революція. Вотъ—душа ея. Она въ душѣ каждаго изъ насъ, въ „партіи правового порядка", „17 Октября", даже у членовъ „Русскаго Собранія" на Троицкой,—просто у всѣхъ, кончившихъ курсъ въ университетѣ, ѣздящихъ въ оперу и знающихъ, что такое астрономія. Члены „Русскаго Собранія" злобны, дики, капризны, ибо они не менѣе кого-бы то ни было знаютъ, что „все пропало" въ этомъ отношеніи, что злобою и силою никого не удержишь, а очарованія, волшебства и сказки ни въ комъ уже не живетъ, не живетъ ея и въ груди Б. Никольскаго и Ник. Соколова. А въ сказкѣ-то все и дѣло, въ очарованіи и заключалась неприступная стѣна, окружавшая монархизмъ, черезъ которую не были сильны переступить сильные и подкопаться подъ нее хитрые. Въ томъ и сущность очарованія, вѣры, восторга, что съ ними не соизмѣрима ужъ ловкость, что никакая сила не сильнѣе того, что „мило" и „просто нравится". Не забуду (кажется въ 1881 г.) выставки въ Москвѣ, кажется, французской. Я уже выходилъ изъ нея, какъ былъ привлеченъ не то крикомъ, не то пискомъ какого-то одного коротенькаго слова. Оглянулся. И вижу купчиха, лѣтъ 40—35, согнувшись въ прямой уголъ и держа (очевидно сынишку) лѣтъ 8—10 за плечи, и указывая перстомъ куда-то вдаль, захлебываясь, говорила:

— Вонъ онъ! Вонъ онъ! Вонъ онъ!

Итакъ цѣлыя строки: „вонъ онъ!". Лицо красное, улыбающееся, восторженное. Черезъ 25 лѣтъ помню.

— Да кто *онъ*?—спросилъ я окружающихъ.

— Великій князь Алексѣй Александровичъ проходитъ, вонъ-далеко, въ сѣромъ военномъ пальто, полная фигура.

Я надѣлъ шапку и пошелъ. Еще царя бы посмотрѣлъ, а великій князь „ничего особеннаго". „Ничего особеннаго"— въ этомъ все и дѣло! И для членовъ „Русскаго собранія"— „ничего особеннаго"; и изъ нихъ никто не будетъ цѣлую страницу кричать „вонъ онъ", захлебываясь, съ упоеніемъ, и разсказывать съ упоеніемъ домашнимъ, что вотъ „видѣлъ", и засыпая ночью грезить о „сѣромъ пальто и полной фигурѣ". А въ этомъ все и дѣло. Ту толстую купчиху въ Москвѣ я почитаю, какъ бы свою тетеньку, и почитаю ея великую правду, и ни въ чемъ ей не позволю себѣ перечить, какъ не позволилъ бы и ей перечить, если бы она остановила другую правду и естественность, когда гимназистъ VIII класса говоритъ гимназисткѣ VI:

— „Знаешь, Маня, когда устроится республика и все такое, вишни будутъ расцвѣтать уже не въ маѣ, а въ октябрѣ, и потомъ еще разъ въ февралѣ. Самый климатъ измѣнится. Мы все измѣнимъ. Наука..." и проч.

Умеръ одинъ фетишъ, зародился другой. Зародился онъ отъ того именно и непремѣнно, невольно—что другимъ, вынесеннымъ изъ сердца, фетишемъ оставлено было мѣсто пустымъ, а „природа не терпитъ пустоты", какъ уже примѣтили древніе. Какъ только не стало рваться, самовольно, восторженно—„вонъ онъ" на цѣлую страницу при видѣ сѣраго пальто, такъ стали повторять ровно въ цѣлую страницу „вонъ она" касательно никѣмъ еще не видѣнной и всѣми призываемой республики. И тѣ-же миѳы—но отнесенные *впередъ*; какъ прежніе миѳы были отнесены *назадъ*. Человѣкъ рѣшительно не можетъ удовлетвориться реальностью, никакой человѣкъ и ни въ какое время. Всѣ живутъ или воспоминаніями или надеждами. Сущность монархизма—что онъ жилъ воспоминаніями „объ Александрѣ Македонскомъ". „Отъ него всѣ родились и все пошло". Сущность монархіи, я говорю,– въ *воспоминательной* способности че-

ловѣка, въ очарованіи *бывшимъ*; при слабой вѣрѣ и даже слабомъ интересѣ къ будущему. По этой господствующей способности въ „монархическомъ устроеніи“ послѣднюю вообще можно опредѣлить, какъ фазу политическаго строя, соотвѣтственную *старости*,—и болѣе всего ее удовлетворяющую. Не даромъ съ представленіемъ „король“ всегда связывается образъ „сѣдоволосаго старца“, уже медлительнаго въ движеніяхъ и который не торопится въ думахъ. Невозможно того отрицать, что въ цѣлой Западной Европѣ и во всей европейской исторіи, начиная отъ рыцарей, и еще задолго до рыцарей, собственно начиная отъ монастырей и перваго монашества, все „юное и дѣятельное“ было, какъ говорятъ въ театрѣ, „на второстепенныхъ роляхъ“, и до первыхъ ролей юность не допускалась; не допускался даже возмужалый бодрый возрастъ, но именно все были „брады“ и „власа“, въ первосвященникахъ, министрахъ, короляхъ, совѣтникахъ и проч. и проч. Вѣдь Олимпійскихъ игръ нигдѣ не было; юнаго, отроческаго лица—ни одного на иконостасѣ. Тоже и въ верхнемъ ярусѣ политики и вообще цивилизаціи. Юность шалила на кухнѣ и имѣла существенно кухонное положеніе и (до XIX вѣка) кухонное воспитаніе. Какъ поздно пришелъ Песталоцци! а о дворянствѣ среднихъ вѣковъ я читалъ, что тамъ неприлично было, вообще было непринято обращать какое-нибудь вниманіе на сыновей, на дѣтей, ихъ ученіе и воспитаніе, даже ихъ болѣзни и хотя-бы цѣлый, не искалѣченный видъ. Такъ вѣдь и росъ Бертранъ-дю-Гескленъ. Ему ломали голову и онъ ломалъ головы. Но до „разговоровъ“ ихъ не допускали; „разговоры“ вели и „священнодѣйствія“ совершали старцы и старицы; и вся цивилизація была и за всѣ 1500 лѣтъ совершилась *старообразою*. Т.-е. *воспоминательною*, т.-е. *монархическою*. Съ XVIII вѣка „мальчишки“, частью какъ выпоротый Вольтеръ, частью какъ „гдѣ-то гулявшій“ Руссо, побѣжали въ верхніе этажи, зашумѣли, наскандалили и, словомъ, вступили въ самый неотвязчивый „разговоръ“ со старцами, и тѣмъ пришлось отвѣчать,—и вообще начался діалогъ и діа-

логи, послѣ чего исторія быстро получила болѣе юный видъ; юный и *надпьющійся* (основная движущая психическая способность) и отсюда естественно уже *республиканскій*. Республика—это молодость человѣчества, монархія—это старость. Вотъ и все. Вотъ это—главное. Старость и нѣкоторая „грусть по прошлому“ и „бабушкины сказки“ и „во время на постельку“,—устали кости за день сидѣть, не то что дѣлать. Монархія—это бездѣятельность, всегда была и всегда будетъ (кромѣ исключеній, Фридрихъ Великій, Петръ Великій). Но все органическое—не ариѳметика, всегда „съ исключеніями“ при „правилѣ“, какъ это даже и въ *организмѣ* языка. И въ республикѣ можетъ быть лѣнь,—когда она *склоняется къ старости* и перерождается въ монархію. Но какъ „правило“—республика есть юность и трудъ, надежды и поэзія, совершенно иного, не „воспоминательнаго“ и грустнаго колорита, а бодраго и веселящагося. Собственно нельзя того скрыть, что революція почти вся дѣлается молодежью, дѣлается и въ поэтической, и даже въ физической ея части,—и ее можно опредѣлить просто въ двухъ словахъ:

— Молодость пришла.

И я не понимаю, что на это можно возразить старцамъ, судьямъ и судамъ, министрамъ и управленію. Просто это фактъ, что стали они тонуть, они и все подъ ними, какъ теперь пересыхаетъ Аральское и Каспійское моря, и „ужъ такъ планета устроена“, о чемъ можно спросить и у ученыхъ...

Пименова, Э.

Политическіе вожди современной Англіи и Ирландіи. Съ 10 портретами. Спб. 1904 г. **2** р. (№ **6**).

Рожковъ, Н., привать-доцентъ Московскаго Университета и преподаватель Практической Академіи коммерческихъ наукъ.

Учебникъ всеобщей исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. Спб. 1904 г. **1** р. **10** к. (№ **15**).

Тэнъ, И.

Происхожденіе современной Франціи. Перев. съ франц. (№ **10**) [печатается].

Файфъ, Ч.

Исторія Европы XIX вѣка. Перев. со второго англійскаго изданія *М. В. Лучицкой* подъ редакціей проф. *И. В. Лучицкаго.* Одобрена для ученическихъ библіотекъ среднеучебныхъ заведеній (1-е дополненіе каталога учебн. библіотекъ средн. уч. заведеній 1897 г., № 496). Съ 2 раскрашенными картами Европы и алфавитнымъ указателемъ именъ. Изд. 2-е. Спб. 1904 г. **5** р. **50** к. (№ **8**).

Франке, Куно.

Исторія нѣмецкой литературы въ связи съ развитіемъ общественныхъ силъ (Съ V вѣка до настоящаго времени). Съ 39 портретами. Переводъ съ англ. *П. Батина.* Спб. 1904 г. **3** р. (№ **9**).

Эндрузъ, Веньяминъ.

Исторія Соединенныхъ Штатовъ послѣ междоусобной войны 1861—62 гг. и до нашихъ дней. Переводъ съ англійскаго *Е. А. Гурвичъ.* Спб. 1905 г. **2** р. **50** к. (№ **17**).

II. Изящная литература, исторія, критика и публицистика

Бѣлозерскій, Н. (Ив. Порошинъ).

Записки учителя. Въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1905 г. **75** к.

Мельхіоръ де-**Вогюэ.**

Максимъ Горькій. Произведенія и личность писателя. Съ портретомъ. Переводъ А. Б. Ф. Спб. 1902 г. **25** к.

Горинъ, Н.

Основныя идеи произведеній Максима Горькаго. Съ портретомъ. Спб. 1902 г. **30** к.

Гуревичъ, Л.

„Сѣдокъ“ и другіе разсказы. Спб. 1904 г. **1** р. **50** к.

Захарьинъ, И. Н. (Якунинъ).

„Встрѣчи и воспоминанія“. Изъ литературнаго и военнаго міра. Спб. 1903 г. **1** р. **75** к.

Лемке, Мих. Думы журналиста. Спб. 1903 г. **1** р. **25** к.

Мережковскій, Д. С.

Грядущій Хамъ. Спб. 1906 г. **1** р.

Дафнисъ и Хлоя. Древне-греческая повѣсть Лонгуса о любви пастушка и пастушки на островѣ Лезбосѣ. 2-е изд. Спб. 1904 г. **1** р. **25** к.

Л. Толстой и Достоевскій. Т. I. Спб. 1903 г. **2** р. — Т. II. Спб. 1903 г. **3** р.

Любовь сильнѣе смерти. Итальянская новелла XV в. 2-е изд. Спб. 1904 г. **1** р. **25** к.

Петръ и Алексѣй. Историческій романъ. Спб. 1905 г. **3** р.

Пророкъ русской революціи. Къ юбилею Достоевскаго. Спб. 1906 г. **1** р. **25** к.

Морсье, де-, А.

Права женщины. Вопросы соціальнаго воспитанія. Переводъ съ франц. Эльтъ. Спб. 1904 г. **50** к.

и друг.

Выписывающіе изъ Склада за пересылку не платятъ.—Каталогъ высылается за 7-микоп. марку по первому требованію.

№ 3816

15

21

16/241

Во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія

сочиненія В. В. РОЗАНОВА:

О пониманіи. Опытъ изслѣдованія природы, границъ и внутренняго строенія науки, какъ цѣльнаго знанія. Москва, 1886 г. Цѣна **5** р.

Легенда о Великомъ Инквизиторѣ Ѳ. М. Достоевскаго. Опытъ критическаго комментарія. Съ приложеніемъ двухъ этюдовъ о Гоголѣ. Изданіе 2-ое. С.-Петербургъ, 1902 г. Цѣна **1** р.

Сумерки просвѣщенія. Сборникъ статей по вопросамъ образованія. Изданіе П. Перцова. С.-Петербургъ, 1899 г. Цѣна **1** р.

Литературные очерки. Изданіе П. Перцова. С.-Петербургъ, 1899 г. Цѣна **1** р.

Природа и исторія. Изданіе 2-ое, П. Перцова. С.-Петербургъ, 1902 г. Цѣна **1** р.

Религія и культура. Изданіе 2-ое, П. Перцова. С.-Петербургъ, 1902 г. Цѣна **1** р. **20** к.

Въ мірѣ неяснаго и не рѣшеннаго. Съ рисунками въ текстѣ. Изданіе 2-ое. С.-Петербургъ, 1904 г. Ц. **1** р. **50** к.

Семейный вопросъ въ Россіи.—Дѣти и родители.—Мужья и жены.—Разводъ и понятіе незаконнорожденности.—Холостой бытъ и проституція.—Женскій трудъ.—Законъ и религія.—Съ рисунками въ текстѣ. Два тома. С.-Петербургъ, 1903 г. Цѣна за оба тома **4** р. **50** к.

Мѣсто христіанства въ исторіи. Изданіе 2-ое. С.-Петербургъ, 1904 г. Цѣна **15** коп. (выпускъ 1-й „Религіозно-философской библіотеки").

Около церковныхъ стѣнъ. С.-Петербургъ. 1906 г. 2 тома. По **2** руб. за томъ.

Выписывающіе изъ Склада М. В. ПИРОЖКОВА *(Спб., В. О., 2 л., д. 13)* **за пересылку не платятъ.**

2007053241